

Латунна лань

Латунна лань
На самой гладкой полке
Луна в осколках движется на дне
Подтаявший на самой глубине
Пергамент сна
Запутанный в заколках
На тёплой и любимой голове.

Пугает дождь осенним постоянством
Роня бусы спелых желудей
Нас обвиняют в лени и пьянстве
Но нас таких здесь большинство людей
Закутанных в дешёвом синтепоне
Замученных бумажной суетой
Латунна лань покоится на лоне
На гладкой полке праздной налитой
И пусть твердят тебе что мы утонем
Но мы плывём под солнцем и луной.

Здесь солнечная цедра над метелью
Сменяется процеженным огнём,
И жалуется снег перед купелью,
Становится пристыженным дождём.

В великое пространство ход уводит —
Искрится фиолетом колея.
И кажется бескрайним, и свободен
Мой дух в янтарном небе без меня.

Настала ночь и в чёрном балахоне
Куражится, поклоны бьёт, вино
Пьёт из серебряных купелей в Авалоне,
От губ холодных тянется тепло.

И в небесах, лазурности лишенных,
Взывает словом-вязью гробовой,
Колонны авалонцевоглашённых
Упали. Был ли кто живой?

Теперь же будем пир небесный править,
Ещё играют Шуберта в саду
И Гёте чётко шаг, пора оставить
Ночную колею на поводе.

Уходит ночь, но снег ей как помеха:
Цепляется за царственность мехов,
Проел в мехах лазурную прореху,
И небо поднялось из берегов.

Впервые я увидел мир ночной,
Когда душа наполнилась камнями
И высился жемчужною трухой
Гербовник звёзд в оконной тусклой раме,

И стройные ряды в душе зажглись,
И страшные образовались реки,
Прекрасно освещённые, как высь,
Пространством, убивающим навеки,

И кажется, что лунные огни
Светить собою смогут беспробудно,
И в горном серебре погаснут дни.
Легкопыланьем и золою скудной

Сумбурность ярких красок развести,
Добавить золотой осадок вязкий
Духовного сюжета, и свети
хоть две луны, и звёзды, словно астры.

Набрось, творец, атласную чадру
На тусклую безжизненную раму:
Я сквозь неё увидеть не смогу
Ночную вековую панораму.

Кёнигсберг

В этом городе каменные часы
Как весы
Между светом и дном
Я живу за прудом
На котором белые птицы
Рядом улицы
Словно спицы
Тонкие
Что с трудом
Проникаешь в них
Начиная ходить в одних
Невесомых как сеть одеждах
Забывая на тень смотреть

И оставив ее конечно
В этом городе тихо тлеть

Откройте рот
и мед
возьмите медной ложкой
впишите заголовок
в краешек листа
как береста белеет
жир подкожный
и лазуритом глаз
смеркается
в местах
забытых и ночных
не длинных и похожих
луна как лунь
как лоно
как мое
сердечное
«прокрустовое» ложе
и буквы в заголовке
воронье
слетелись
ох уж эти буквы
откройте рот
закройте все глаза
и ты закрой
и вы закройте тоже
ломается под буквой береста
и рогом лунным светится на коже

изумруд в грязи Нила
оборотная сторона тела
паук не видит разницы между мухой и

МОТЫЛЬКОМ
мы с тобой выходим под ветер
и земля уже зачерствела
голубоглазые ливни покинули
этот дом

а если луна найдется
в невысохшем стакане
ты спросишь меня как тонко
я слышу хрустальный звук
а я не просто слышу
он меня заполняет
я становлюсь этим звуком
не чувствую губ и рук

Он одет в широкое
Она в одинокое
Серое источенное
Источенное
Оба верят в пророчество
Заключённое в рамки «затемно»
Одним полем в ночи бродят
Одним лесом дышат
И вроде радия светятся
Когда видят
Ковш белой медведицы
И когда соседи
Рассосеживаются
И вокруг тишина
И можно укутаться
До самой макушки
И слушать
Как в детстве
Слушать
Сказки Пушкина